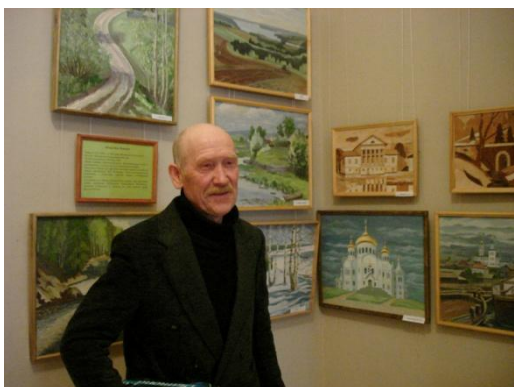

Всё начинается с детства

Номинация: статья

**Автор: Катаева Алевтина Власовна
библиотекарь МБУ «Ильинская
межпоселенческая библиотека
им. А.Е. Теплоухова Филатовский
отдел обслуживания
село Филатово Ильинского района
Пермского края**

Всё начинается с детства...

Талантливыми людьми не становятся – ими рождаются. Подтверждение этому – судьба Нечаева Власа Ивановича, родившегося в деревне Феклята Пермско – Ильинского района Молотовской области. Сейчас уже нет этой деревни – в 1954 году она была затоплена Камским водохранилищем. В Сретенье 1934 года появился на свет мальчуган, которого окрестили Власом. Единственный и долгожданный ребенок у немолодых уже Анны Михайловны и Ивана Савельевича Нечаевых (39 лет и 46 лет).

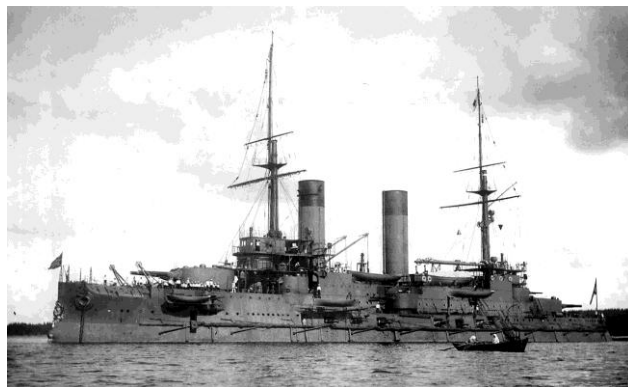
По словам Власа Ивановича, больше из детства запомнилось хороших и добрых моментов:

- Деревня наша Феклята – 13 домов на берегу речки Гаревая. Родители работали в колхозе «Животновод». Мама, Анна Михайловна, 1895 года рождения, работала в полеводстве на бригаде, на молокоприёмном пункте в деревне Аверино, в период войны и послевоенные годы – на птичнике. Осенью и зимой работала на сушилке в Аверино. Красиво вышивала, вязала. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» Дожила до 96 лет. Отец, Иван Савельевич, 1888 года рождения, работал пчеловодом колхозной пасеки, был заведующим центральным складом. Умел блистательно делать всё, за что брался: ковал железо, ткал, шил обувь, валял валенки, плотничал, вырезал по дереву и прекрасно рисовал, занимался плетением из лозы посуды, корзин. Всегда держал пчёл и рыбачил, сам вязал сети. Из детства сохранилась единственная фотография с отцом – мы вдвоем с ним ездили в город Молотов. В руках у меня купленная отцом деревянная дудочка. На этой фотографии мне еще нет и пяти лет.

Отец – бывший моряк, матрос первого класса прослужил семь лет на Балтийском флоте на броненосце «Слава». Пошёл служить в двадцать лет, ни одного класса не оканчивал. А уже на корабле – офицеры были все с образованием и всему научили. Неграмотные люди кому нужны на кораблях? Отец считал отлично, а писал – почерк у него был очень красивый, с завитушками, прекрасно рисовал.

Во время службы команду корабля (800 человек) тренировали, часто заставляли купаться в холодной воде. Отец был крепкого телосложения, ростом два метра три сантиметра. Он говорил, что никогда не простывал и не болел. Был спокойным по характеру, чувствовал в себе силу.

За семь лет службы отца «Слава» три раза была в кругосветном плавании. Сколько в мире всего он увидел и узнал, где только не побывал: посмотрел белый свет! И вот когда собирался народ на праздниках, да и так если Иван Савельевич тут – значит, все его слушают. Он очень интересно рассказывал, ведь всё видел своими глазами.

В 1908 году его корабль, а также три других, переходя с Балтики в Японское море, встали на якоря в Мессинском заливе, возле острова Сицилии, где расположен красивейший город Мессина, и вот тогда там началось страшное землетрясение. Вздрыгнула земля и вода. Корабли трепало, как щепки, почти все здания в Мессине были разрушены.

По боевому расписанию отец выполнял обязанности санитаря, а когда на корабль стали поступать итальянцы с различными повреждениями, работы хватало. Пришлось даже принимать роды у женщины, доставленной с берега. Корабельный врач дал ему команду: занести женщину на руках в госпиталь и принять роды. Всё прошло хорошо. И отец ухаживал за обоими, помог женщине встать на ноги.

В то время на броненосце «Слава» служили и другие представители ильинской земли: Бобров из села Васильевского, Иван Кожевников из Слудки, были там и дальние родственники Нечаевых. Все они были награждены правительством Италии. Награду отца, его матросскую книжку и фотографию я передал на хранение в Ильинский краеведческий музей. Уверен, что и родственники той сеньоры, у которой мой отец принимал роды, хранят память

о благородной помощи российских моряков жителям Мессины.

Очень высокий, здоровый в плечах, он ростом, фигурой и статью выделялся среди матросов «Славы». Он всегда сопровождал офицеров – брали его на все заграничные приёмы. Говорил, что офицеров военачальники принимают, а нас, простых матросов – всегда их жёны принимали. А жёны были в основном русские женщины.

После службы отец поработал лесником в Сибири на Енисее, в Архангельске на лесотехнической бирже. В 1917 году баржу в Лёвшино, на которой он был шкипером, сожгли белые и он вернулся на Родину – пришёл домой. Много я не успел спросить у него – десяти лет остался без отца. Было много фотографий, но они с переездом из зоны затопления затерялись. Я помню, много было фотографий иностранных кораблей – отец собирал, интересовался этим делом.

В Феклятах был у нас добротный, красивый дом на берегу Гаревой. Было много конюшен – раньше дед Савелий до колхозов держал много скота. До восьми быков пускал в зиму. Я деда не застал.

Отец всё умел делать, я всё это видел, всё время был с ним рядом. Валенки катал из овечьей шерсти. Шил обувь: где раньше было купить на его ноги? Размер большой, ничего не продавали. Сам себе шил ботинки и сапоги, а зимой ходил в валенках. Свободного времени тогда не было, много ручной работы было. Сами вручную сеяли. Лошадь была своя до колхозов, потом её сдали. Корова у нас была всегда, гусей держали много – было по четыре – пять гусынь. Они парились в избе – в ящиках гнёзда стояли.

Отец сам делал мне игрушки. Была качалка – деревянная лошадка. Был вырезан для меня из дерева моряк – сигнальщик. Такой большой стоял на шесте перед домом. А главное – был у меня большой пароход железный, палуба тоже из железа. Пассажирский, покрашен краской, с названием. Отец мне говорил: «Вырастешь, будешь капитаном!». Пароход я по земле таскал, по воде не пойдет – тяжёлый, да и корпус ведь запаивать надо. По железу отец всё делал: посуду, вёдра, тазы, трубы.

У отца было две лодки – одна в этом озере, вторая – на Гаревой. Гаревая-то рядом – метров тридцать от дома всего. Весной лёд – большие толстые льдины огород сдавят у нас – прямо к самому дому подходили. Только черёмухи и спасали – они в них упрутся и встанут. В голбец вода заходила весенняя, а там отец ставил пчёл – семьи три в голбце зимовали, ульи заносили осенью. Возле домов пчёл держать ограничивали, поэтому у отца

были в лесу за речкой Кузьминкой борти на соснах. Отец один эти чурки тяжёлые поднимал. Я был маленький, ничего не успел перенять у него. Он меня близко не подпускал – ведь пчёлы жалят, для маленьких это плохо.

Мёд у него хранился в липовых бадейках с крышкой. На каждой было подписано – сколько фунтов. Хранилось на улице зимой. Отец мёдом не торговал, а давал людям для лечения бесплатно. Болеют, приходят: «Возьми, пожалуйста!».

Отец всё время был на работе в колхозе. Я около него был. Он во время войны был кладовщиком центрального склада, на фронт его по здоровью уже не взяли. Летом с ним вместе ездили на лошади на Каму, где работала колхозная рыболовецкая бригада. Привозили оттуда рыбу на склад, отец солил её. Часть рыбы шла на обеды во время сенокоса колхозникам, остальное сдавалось государству.

Во всём был строгий учёт и контроль. Только за зиму зерно на складе перевешивали два – три раза. В нагрузку отцу еще давали торговать солью, керосином, спичками. Был надомный магазин. А спички раньше были другие – не в коробочках, а просто как дощечка и она ломалась на отдельные спички. Делали их в Ильинске: короткая тонкая лучина, а одна кромка в сере высушенной. А когда спичек не было, брали трут. У каждого мужика была баночка, в ней трут – тряпка до конца не сторевшая, сухая. Берут рашпиль (камень) – искра выскакивает – и задымил! При этом приговаривая: «Ленин, Сталин, дай огня!».

Кроме своих обязанностей, родители еще принимали молоко в деревне Аверино от хозяйств. Сепарировали его вручную, а сливки и часть молока везли на сырзавод в Филатово.

Помню, с отцом ходили летом на речку Кузьминку рыбачить. Речка мелкая, везде кусты, коряги и небольшие ямы, где обычно притаивалась рыба. Маленький бредешок у нас был – метра три длиной, с двумя палками. Заходим в воду – обтянули в русле кусочек, отец ботом выгоняет головлей. И из кустов, из-под корней вылетают рыбки. Одну, две кладёшь в мешок. Вот так по воде идёшь, идёшь и постепенно налавливаешь. Попадались хариусы, пескари, вандыши. Приносили домой, варили свежую уху на таганке под берёзами.

Отец огород городит – я тоже с ним. Возле Гаревой садили там овощи. Испокон веков ведь использовали прибрежные участки под огороды. Луга были заливные, ил песчаный. Всегда был хороший урожай овощей.

На сенокосе на лугах я тоже вместе с отцом. Он ставил меня на стог, а сам метал. Мне говорил: «Только топчи и всё, твоё дело топтать!» Маленькие грабёлки у меня были – свой инструмент.

В первый класс пошёл в 1941 году вместе с соседскими ребятами в Старо – Гаревскую школу в Аверино. Директором начальной школы был Фёдор Михайлович Печёнкин, инвалид войны. Первая учительница – Москокова Раиса Еремеевна. Со второго по четвёртый класс учила Катаева Степанида Федосеевна. Занятия проходили в одном помещении. Классы разновозрастные. Совмещали первый и третий классы, второй и четвёртый. Посреди помещения – доска, один учитель и тут и там. Я по росту был самый высокий в классе. Учиться нравилось. А рисовал я всегда, как себя помню. Ведь и отец был хорошим рисовальщиком – с искрой Божьей. В школе тетрадей и бумаги не хватало, писали на газетах, на грифельной доске. Учебники тоже были старые, да ещё один учебник на два – три ученика. Вот и приходилось бежать в Аверино за учебником, чтобы решать задачи. В деревне Феклята моих ровесников двое: Володя Кирьянов, Саня Катаев. В Аверино: Саня Михайлов, Володя Катаев, Коля Лобанов. Мы росли вместе и все тяготы жизни у всех были одинаковые. У парней отцы были на фронте, а у меня отец был уже нестроевой, болели ноги, плохо ходил. Одежды носить не было, перешивали из старых вещей, латали заплаты – в том и ходили. Летом бегали босиком, осенью в котах, а зимой у всех были валенки. Когда наступали теплые летние дни, играли на улице в лапту, в городки, бабки, гоняли чижа. Дома нужно было полоть в огороде, поливать. А задание выполнишь – можно и на речку! На целый летний день мы, мальчишки, устраивались около Гаревой. Купались, правда, плавали плохо, катались на нашей лодке, часто опрокидывались, спасали друг друга. Рядом, не мешая нам, плавали гуси.

Как мы рыбу ловили

В Гаревой водилось много вандышей, пескарей, окуней и ершей. Это была наша рыба. А крупные – щуки, налимы и головли нам не клевали. Накопаешь, бывало, полосатых червей около мельницы, а там они особенно жирные были, и садишься под бережок. А ходили рыбачить мы обычно втроем: Володя Кирьянов, Шура Катаев и я. Сидим, ждём, а не клюет! Вот однажды Шурка и говорит: «Я знаю заговор, чтобы рыбу ловить! Нужно только повторять: Рыба, клюй, рыба, клюй! Вот и всего». Сидим и шепчем заговор, да так, что забываем обо всём. Прибегаю домой обедать, а бабушка без молитвы на стол не ставит ничего. «Молись! – говорит, а то отцу скажу!»

Я быстренько крещусь, а про себя по привычке повторяю: «Рыба, клюй, рыба клюй, рыба клюй...»

Все мы выросли у реки. Для нас, еще маленьких, Гаревая была как подарок. Возвращались мы с реки не с пустыми руками. Вода спасала нас от летнего зноя. А зимой – мы снова на реке. Расчищали и катались с ветерком по льду. Рыбачили, крючки загибали из проволоки, без жала, затачивали. Лески тогда не было, брали нитку или сило. Сило – конский волос, лучше, если взять его от жеребца – он крепче. А в деревне Решетники несколько семей делали из конского волоса решёта – с крупной ячейкой, а сито – с мелкой. Решёта – просеивать зерно. А обод – луб, делали из липы, из осины. Продавали их прямо в деревне, меняли на продукты. Изготавливали щети – из зимней свиной щетины. Её выдёргивали, скручивали в пучок нитками, обваривали смолой или серой древесной. Также щетину использовали сапожники – её вращивали в дратву вместо иголки – она жёсткая. И вот забросишь такой крючок с червяком, а на него кидается сразу несколько рыбок. Ловили даже по две штуки за заброс. Ставили стеклянные бутылки с пробитым косым дном с творогом, яичной скорлупой и рыба хорошо ловилась. Каждый день приносили вандышей на уху. Вытаскивали раков из нор. Засунешь руку в нору, а рак хватает клешнями тебя за пальцы. Вытаскиваешь его и в ведро! А потом варили их или запекали на костре.

Выкапывали земляные орехи в берегах, ели щавель, дикий чеснок, всякие ягоды. Хлеба не было. На трудодни давали немного муки. Собирали головки клевера и добавляли его высушенный в муку. Картошка, молоко, овощи – хотя и поешь, а сытости не было. Все мы ходили с большими животами.

До войны в колхозе была всего одна машина – полуторка. На ней работал Абрам Федосеевич Катаев. Его призвали в 1941 году, он уехал на ней на фронт. Лошади – основной транспорт был тогда. Дорога на Добрянку, на Усть-Гаревую – натопанная, крепкая. Почта по ней каждый день доставлялась. Тогда за каждым хозяйством был участок дороги закреплён. Тракт ведь и раньше поддерживали крестьяне, ям больших не было, всё выравнивали гравием. Брали его из карьера, который назывался «У Надежки». Говорили, что раньше там жила женщина добрая, поила путников бражкой. Отец, ещё молодой, тоже возил на лошади гравий на дорогу. У него был участок на Фуре. Возил телегами гравий.

В годы войны мы, мальчишки, наблюдали, как за день проходили по две – три машины по тракту на Добрянку. От Феклят было нам видно – обычно легковые – «Эмки».

Во время войны в магазинах ничего не было, да и покупать было не на что. Вот старые фотографии посмотришь – холщёвые мешки для учебников вместо портфелей. Ручка была для письма с пером. Все в синих чернилах перемазанные. Из камыша делали ручки – пёрышко железное сунешь и пишешь. И каждый день несёшь с собой в школу чернильницу – непроливайку. Одежда – от кого что досталось, то и донашивали. Однажды эвакуированная женщина меняла на картошку шинель нахимовца и курточку. Мама хотела взять шинель, чтобы сшить мне пальто, а я выпросил курточку, потому что у неё было шесть карманов. Также выменяли для меня цветные карандаши. Какая радость! Ведь в школе их ни у кого не было! А на уроке рисования карандаши всё время гуляли по классу – ведь всем хочется раскрасить рисунок! Урок напоминал бой на местности. Всегда рисовали на свободную тему, а это была обычно тема войны. Каждый сопровождал рисование звуками и восклицаниями. В то время никто не учил нас рисовать, рисование было – просто урок. Никто не умел, учителя наши были молодые.

Родители поощряли мои способности к рисованию. Ведь иметь цветные карандаши в годы войны была большая редкость. Мой первый рисунок – это портрет А.С.Пушкина, выполненный карандашом. Этот мой первый опыт оценили как одноклассники, так и учителя. А потом нарисовал второй, третий... Уже в начальной школе изучали военное дело. Нам очень нравилось стрелять по мишеням. Учились ходить в атаку, окапываться. Пospelов Фёдор Тимофеевич вёл военное дело у нас. Идём на лыжах в деревню Заяки – белок много, они мигрировали от войны. Мы лазим по ёлкам, а он стреляет из мелкокалиберной винтовки.

Мама одна работала на колхозном птичнике. Кур было до трёхсот штук. Зимой все курицы находились у нас в Феклятах в наших конюшнях. В годы войны, да и послевоенные – с кормами было плохо. И поэтому с наступлением лета всех куриц вывозили на старые тока, где что-то оставалось, где молотилось зерно. Тем они и питались. Корм совсем никакой не давали, они сами искали его в отходах, но яйца несли. В большой длинной крытой телеге на двух лошадях увезут куриц в Трубенку, на Старку, Опалиху, за Первомайку – где были старые тока. Внутри этой телеги – гнёзда и седала были сделаны. На одном месте постояли, они всё под ногами выклевали – и перевозят в другое место. Так по колхозу было несколько

точек. Мне приходилось часто маму заменять. Километров за пять – шесть идёшь утром рано, чтобы выпустить их из телеги и целый день караулить от лис и коршунов. Сколько они кур перетаскали! На корм им иногда притаскивали трактором павшую скотину, куры всё склёвывали, пока один скелет не останется. А ведь летом жара, мухи... Я из-за этого сырые яйца не ел. Ребята ко мне приходили, с удовольствием выпивали по два – три яйца – им нравилось.

И вот приходилось охранять кур целый день под знойным солнцем. А так хотелось бегать с ребятами, но нельзя! Вот в Первомайке лиса повадилась кур задирать. Выпросил я у крёстного дяди Миши бердану, чтобы напугать её. Он мне дал один патрон, научил, как всё сделать. С какой гордостью шёл я к курам в Первомайку, с ружьём на плече! Пришёл, забрался на крышу тока, покрытую соломой, солнце пригрело, и я уснул. Слышу, куры закричали, а лиса уже схватила одну. Я выстрелил, но в лису не попал. Она бросила добычу, и бежать! Вся следующая неделя была спокойная. Соберёшь яйца, несёшь по ведру, а то и по два сдавать в Аверино.

За Старкой на лугах косили в арах. И в сенокос мы, мальчишки, старались прибежать утром на разнарядку пораньше, чтобы досталась хорошая лошадь возить копны. Лошади были все костлявые, сёдел не было, поэтому подкладывали какую-нибудь одежду и так целый день ездили. Жара, пауты гложут, лета жаркие были, есть хочется. А в обед купали лошадей в речке, сами купались. Обычно в обед варили коллективную уху - рыбы было полно на Каме, ели ягоды. Женщины работали с песнями, гребли сено вручную – по десять, пятнадцать в ряд. Метали двое старичков, а кто помоложе – наваливали копны, а мы уже возили к стогу. На бригаде в то время была одна конная сенокосилка, а неудобницы все выкашивали вручную.

Мы никакой работы не боялись. Мы же на работу бежали, нам интересно, лишь бы работать, нам, детям, наравне со взрослыми. Летом возили воду для тракторов. На полях в то время работали женщины и подростки. Трактора – колёсники, все радиаторы протекали, никто не мог отремонтировать, мастеров хороших не было. Вода быстро из них уходила. Вода вытекла – трактор греется. И вот трактор идёт по полю, над Семинцами поле длинное, только в гору поднялся, спускается, а уже надо воду заливать! Обычно пахали, а боронили больше на лошадях – легче, чем трактор гонять. На горе бочка стоит с водой, где-то посередине поля тоже стоит. Мы вдвоём, втроём – катаемся по полю, две или три бочки на телеге возим. Воду заливали из Гаревой, вёдрами черпали. В трактор заливали тоже вёдрами.

Нам это было всё интересно – постоять возле трактора, прокатиться нам давали. А у трактора тогда было одно железное сиденье. Женщины на них работали, мужчин не было. Бригада женская тракторная: Минадора Сафоновна Панина, Любовь Ивановна Залесных, Мария Ильинична Лобанова. Бригадир – Васса Антоновна Старкова. Воду возили, копны возили – это была наша работа. Это был наш совместный труд вместе со взрослыми. А ведь нам было так мало лет!

Осенью мы всем классом собирали колоски на полях и сдавали их в колхоз. Заготавливали ягоды малины, вереса, шиповника. Идём, собираем. Нравилось нам собирать вересовые ягоды: берёшь с собой половик, палку и мешок. Постелешь половик на землю, и – пошёл колотить! Ягоды посыпались! Иголки убрал – и в мешок! Сдавали потом все ягоды: их отправляли в госпитали раненым. Ягод много было тогда.

И летом, и зимой мы работали. Зимой – на лошадях. Вечерами после школы помогали взрослым на току. Гоняли лошадей по кругу, чтобы обмолачивать снопы на молотилке. Хлеб был сжатый, стоял в огромных скирдах на полях. Суслоны вручную делали. Всё это сваживалось на ток уже зимой. Большую часть зимы этим занимались. Мы помогали перелопачивать зерно, чтобы не согрелось.

На Аверинских полях выращивали лён. Убирали – дёргали его вручную. Ставили, снопиками, не связывая. Подсохнет – обмолачивали на молотилке «Очёрка» – у нее был конный привод. Вozy колхозного льна увозили в Зюкайку делать масло. А частники давили сами: в Феклятах была маслобойня. Иван Петрович, Василий Петрович Катаевы – у них был пресс. После пресса – жмых для скота и масло получалось. А льняную солому трепали, получалась куделя – серые нитки.

Детство наше – военное время. Нам, детям девяти-десяти лет ставили часть трудодня за работу, денег мы не зарабатывали. За день работы – какую-то часть от трудодня. А на один трудодень взрослым начисляли сколько-то хлеба, сена, соломы.

На один трудодень выдали в колхозе «Животновод»:

в 1941 году: денег – 1,50 руб.

зерно – 1,3 кг.

сено – 2,5 кг.

солома – 1,5 кг.

в 1942 году: денег – 2,19 руб.

зерно – 0,470 кг.

сено – 1 кг.

в 1943 году: денег – 0,92 руб.

зерно – 0,5 кг.

в 1944 году: денег – 0,63 руб.

зерно – 1 кг.

солома – 0,860 кг. (данные архива)

По две осени работал с Володей Зобачевым помощником на комбайне. Два или три комбайна было в колхозе тогда. Вот комбайн идёт, а ты сидишь наверху сзади. Ряд копён – подъезжаем, копна соломы накопилась – верёвку дёргаешь, сваливаешь. Ржи много сеяли, севооборот соблюдали. 1/3 часть посевов – рожь была, 2/3 – яровые. Володе я нравился, он всё время меня брал: «Давай, пошли, пошли!». Я у него практику хорошую прошёл.

По прошествии времени мы, родившиеся в 1934 году, не попали в категорию «Труженик тыла». Для этого взяли 1932 год, хотя нам тоже досталось всякой работы в колхозе в военное время.

Как мы учились курить

Шла война, папиросы покупать было не на что. Все мужчины курили махорку, а в деревне – самосад. Отец мой выращивал табак, у него он всегда был – хранился на вышке, сухой. Мужики приходили к нему, он давал им курить, а сам не курил, только нюхал. Колька Панин был старше нас и давно курил, а нам тоже хотелось походить на старших. Вот он предложил: «Возьми у отца табаку, он не заметит, и приходи за деревню в лог». Там-то мы и курили. Носил я табак, да бабка заметила, что на вышке остались одни только стебли. Я слышу, отец уже на работу пошёл:

– У тебя сынок-то покуривает...

– Ладно. Хорошо, – говорит, и ушёл на работу.

Ну, думаю, сегодня от отца попадёт! Хотя отец никогда меня не бил, но на всякий случай я припрятал все ремни в доме. Вечером прихожу домой с надеждой в душе, что бить-то будет нечем... Отец приходит с работы, поужинали.

– Ну как, милый сын, говорят, ты покуриваешь?

– Да, папа, курю...

– Хорошо. Снимай штаны.

Я думаю: «Ну, что, сниму, а драть-то нечем!». А у него провод от свечи. Как он мне врезал проводом по голой заднице! Тут уж я взвыл!

– Ну, что, ещё будешь курить?

– Нет, не буду, – отвечаю, всхлипывая. И всё. Так трагично закончился урок курения, и больше в жизни тяги к табаку никогда не было.

На речке Гаревой работала водяная мельница Веселуха на два станка. Каждое лето воду из пруда спускали, делали ремонт плотины. Для нас это было самое интересное время. Берега и дно оголялись, и мы бродили там в поисках находок. Находили монетки, крестики, а однажды я нашёл костяной нож, похожий на кинжал. Сделан он был из ребра какого-то животного. Мы его осмотрели, но побоялись взять домой: «Чёртов ножик!» – закричали все, и я его забросил под берег. Спустя годы, очень сожалел, что такую находку не смогли сохранить. Находили обломки бивней мамонтов. А отец, переезжая через речку Кузьминку, сохой вывернул целый мамонтов бивень. Он много лет был у нас дома. А в период затопления водохранилища был утерян.

Зимой долго стояли сильные морозы. В избах ставили для тепла тушилки – железные бачки с углями, присыпанными золой. Их ставили в углы избы. Угли использовали для самовара. Некоторые семьи разжигали самовары сосновыми шишками, их заготавливали с осени. Самовары у всех тогда были медные, чистили их золой. Одетый на трубу сапог – как меха – раздувал огонь. Для гостей самовар ставили всегда в обязательном порядке.

К Масленице в деревне Аверино вся молодежь собиралась делать катушку. Под деревней был угор – по отношению к болоту метра четыре. Болото замерзало. В этом месте и выкладывали из больших комьев снега голован, потом делали скат. Поливали водой вручную. Катушка получалась широкая – метра четыре, а длиной до двухсот метров – ровная и гладкая поверхность. Работали, обычно, несколько вечеров, снег таскали на санках. Мы, маленькие, тоже помогали. А потом катались на резовиках с баразжалками. По три человека садились на резовики, в обеих руках – баразжалки для управления. Также катались на ледянках – к широкой доске примораживали навоз, поливали водой в несколько приемов, привязывали верёвку – и готово!

Резовиков было много – их привозили из Полазны: мягкие сиденья, кисточки с боков. Всю масляную неделю приезжали в Аверино со всего сельсовета на лошадях с колокольчиками, с гармошками. Всю зиму мы катались на самодельных лыжах. Уйдем к Заякам, в Кирпичи на крутые угоры. На Старку уйдем, за день все угоры изомнём. Сам себе сделал лыжи из досок: замерял носки, отстрогал, подержал их в кипятке, а затем приколотил гужи – так и учился на них кататься. Лыж практически ни у кого не было, каждый на своих, самодельных. Купить было негде, а палки – делали из ёлки, а кольца вересовые нагнут. Ремнём крепились. А мы делали коньки самодельные – косарь вобьёшь в доску – и крепилось на ремнях. Катались по Гаревой, она промерзала, ведь морозы были очень сильные. В пятый класс мы уже пошли в Филатовскую школу. И вот бежишь на коньках до Кленовчан – а там и Филатово уже близко!

В школу привозили кино, раза два за учебный год. Обычно это было немое кино: военные репортажи, сводки с фронта. Киномеханик сам всё объяснял и рассказывал. Чтобы смотреть кино, вручную крутили генератор – обычно парни старших классов.

Был большой пришкольный участок, где выращивали много овощей. Школьники сами за всем ухаживали. Зимой варили овощные супы для всех учащихся. У каждого была своя чашка и ложка.

Фотографий того времени очень мало, потому что местных фотографов тогда не было. Один раз в год приезжал заезжий фотограф и снимал все классы.

Исполнилось мне десять лет, отца не стало. Он простудился в мае на рыбалке, отцеплял мерёжу, пришлось несколько раз нырять в холодную воду. А дома не сказал, что нырял и вот заболел желтухой. Лето идёт, 1945-й год, лекарств не было тогда. Фельдшер Пятков сказал: «Пей пиканы, жёлтую травку». Вот и всё лекарство. Лечить было нечем, поправиться уже не смог, умер в августе в Усть-Гаревской больнице. Я остался единственным мужчиной в доме. Пришлось всё делать самому. Босоногое детство прошло быстро.

Сколько у отца всяких заготовок было сделано! Он полностью на весь огород заготовил тын. Сучья были в лесу заготовлены – не один воз. Пчёлы тоже в чурках в лесу за Кузьминкой без догляда остались, сами собой. А дома сколько было пчёл – семьи три, они года два были, а потом погибли. У

меня один пасечный нож остался как память об отце. Я им работаю теперь, нынче таких больших ножей нет.

Жили на своём – что вырастили. «Живых» денег не было. Ничего не было – только соль, керосин, ржавая килька в магазине. А что если надо купить – ходили в Усть-Гаревую на пристань: на пароходах меняли молоко и творог на сухари, акустическую соду. Потом эту соду варили с костями и кишками – получалось очень душное жидкое хозяйственное мыло. Пароходы ходили – команды все знакомые, слудские в основном. Люди все друг друга знали. Мама носила молоко продавать на пристань – на коромысле, в двух вёдрах. Корова доила хорошо, накопит молоко за несколько дней, остудит на холоде, а потом вскипятит. Получалось с пенкой варёное молоко. Иногда обратно приносила сухари – в обмен. На баржах хлеб давали по норме, а если сколько останется – высушивали. Помню, у нас стояла большая корчага с сухарями. За лето мама принашивала. Восемь километров от Феклят до Усть-Гаревой – по лугам ходили, река была узкая. До Добрянки – тридцать пять километров. После войны там можно было, отстояв огромную очередь, купить хлеб – в руки давали по $\frac{1}{2}$ буханки.

Настала осень, закололи овец. Надо где-то мясо рубить, а корыто старое, мясорубок ведь не было. А у отца заготовки были сделаны, он всё продумывал наперёд. Вот только не успел корыто сделать. Мама мне говорит: «Надо корыто новое сделать, сходи к Косовских Фёдору Терентьевичу в деревню Токари». Он жил около мельницы за Кузьминкой – летом работал на барже, а зимой был дома. «Сходи, он тебе сделает!». Я рано поутру положил берёзовую чурку в кошевёнки и отправился в Токари. Меня приняли хорошо. Заготовку принесли в избу: «Давай, будем делать!». Показал мне, как строгать, разметать и долбить корыто. Так я целый день работал. К вечеру – сделал. И сколько было радости, когда принёс домой готовое изделие!

Также и топорище: уже старенькое, изношенное - сам насадил! Также и дрова пилить на чурки: пила не выточена: пилим – пилим с мамой вручную, пилой поперечной. Мама говорит: «Сходи к дяде Мише Рычину – он поможет выточить!» Он работал кузнецом. Я пришёл, а его дома нет. Пошёл снова – опять не застал. Иду домой и разглядываю пилу: смотрю, а у нее один зуб сточен влево, второй вправо. Пришёл домой и сам выточил! С той поры пришёл опыт. Жизнь заставляла искать выходы. В будущем эти навыки очень помогли в жизни.

1950 год: куда пойти учиться после окончания 7 класса? Даже одежды не было – не в чем было ехать. Справку из колхоза и сельсовета не дают. Сын колхозников – конечно же, в колхоз. А тётя Ромашова Таисья Степановна предложила устроить меня на учёбу в ремесленное училище. Она работала проводником на пароходе «Большевик». Мы с мамой поехали в Нижнюю Курью. Пришли в ремесленное училище № 23 к директору Борису Яковлевичу Лансбергу. Он нас принял, выслушал, но время приёма уже было закончено. А конкурс был – по 14 человек на место. Документов у меня не было, только свидетельство о рождении. Он согласился принять меня условно, если кто-либо бросит учёбу или сбежит. И вскоре приходит телеграмма: «Приезжай на учёбу». Я был принят.

Приобщение к профессии

25 сентября 1950 года я начал учёбу в ремесленном училище № 23 города Молотова. Училище находилось в Нижней Курье. Первое место держало по стране – по учёбе и по всем показателям. Поступить туда было сложно – был большой конкурс и отбор. Ведь водники – это постоянная работа, давали за время учёбы сразу две специальности – зимнюю и летнюю: столяр и рулевой. Два года учёбы и практики! Да какой! Мы были на полном гособеспечении: обмундирование, проживание в общежитии. Кормили очень хорошо, выдавали небольшую сумму деньгами. В общежитии полувоенная дисциплина, строгий комендант. Без увольнительной никуда не выйдешь

просто так. Не было такого, чтобы пошёл и потерялся. Знали всегда, где ты, и на сколько тебя отпустили. Форму давали рабочую и парадную. Питание отличное было, а по праздникам повар готовил пироги.

Воспитанием нашим занимались, держали нас строго – возраст такой, как раз 16-17 лет. Каждая минута была расписана – строгий и чёткий распорядок дня. Был сильный коллектив преподавателей. Теоретические занятия, практические – в столярных и слесарных мастерских. Изучали основы судовождения – навигацию, технические средства кораблевождения, лоцию, средства навигационного оборудования.

Нас готовили сразу для флота: сигнальное дело дали нам, такелажное дело – умели вязать узлы, сращивать тросы. Преподаватель по черчению на

первом уроке, как сразу доску разлиновал без всякой линейки! Вот это да! Я смотрю – вот это человек, вот авторитет для меня! По деталям он черчение нам давал – я легко справлялся с этим. Если хорошие учителя попадают – это находка. Не многим повезло с такими хорошими педагогами.

В первый год учёбы больше теоретические знания давали, а на втором -уже практика. И вот мы, 25 рулевых, за одну зиму построили два парохода. Два настоящих больших буксирных парохода – «Углич» и «Капитан Пирожков». Это старые буксирные пароходы – их надо было ремонтировать капитально – всё, что надстройка – она пришла в негодность, ее убрали. Нам поставили только два металлических корпуса. А всю деревянную надстройку и внутренние каюты и наружные мы делали сами. Это 25 учащихся – будущих столяров-рулевых. Всё отделять нужно было: и рубку, и мачту... – полностью всё. Дали нам чертежи: «Разбирайтесь, делайте всё сами!» Чертёж огромный лежит – на нём надо всё по размерам сделать. У меня черчение шло хорошо, мне давали самые сложные работы – например, винтовые лестницы. Мастер говорил: «Это твоя работа».

Два месяца летней практики мы проходили все 25 человек на «Жемчужине». Это заднеколёсный американский пароход, общество «Русь» раньше было. На нём мы возили разные грузы. Каждый проходил стажировку, начиная с носового матроса. Чтобы знать всю работу, ты должен пройти эту практику – на всех постах, на всех этапах. Вот сначала палубу моешь, а потом, дней через десять, тебе другой пост, а потом уже рулевыми пошли, а не сразу. Было интересно. Пароход был старый, паровая машина на мазуте. Было их всего два старых парохода – «Жемчужина» и «Изумруд». Строили их, видимо, в Америке. Пароход удобный – ходить в каналах – по бортам ему ничего не мешало, а два больших колеса сзади. Всё старое – штурвал большой, очень тяжёлое управление. Когда стоишь рулевым – вдвоём, втроём крутили! Начали мы со старины, какое всё было, а уже потом переходили на более новую технику – всё ведь обновлялось. По нижней Каме далеко ходили. На каждой пристани грузы получали. Вот раньше не было города Чайковского, была пристань Сайгатка. Там очень неудобно было выгружаться – крутой берег. По трапам таскали большие ящики со стеклом. В других местах уже были удобные пристани, всё организовано, а тут мы приставали прямо к берегу. Здесь только начиналась стройка будущей Воткинской ГЭС, только начинали строить жильё. Нагрузят, а мы 17-летние пацаны на себе таскали – разгружали. Ящик стекла как на тебя сунули – идёшь, всё качается – надо в такт ступить и не уронить. Доставалось здорово.

Твоя очередь – куда ты денешься – берёшь и несёшь. Если бочки катать, ладно, катишь.

Моё умение рисовать было востребовано все два года учёбы. Тогда уделялось самое серьёзное внимание наглядной агитации. Нас воспитывали, готовили кадры очень серьёзно. Часто проводили конкурсы среди учащихся. И даже на конкурсы рисунки у меня все были цветными карандашами. Рисунки делал большие – картины. Мне давали первое место, не смотря, что другие маслом напишут, акварелью. А краски, кисти я увидел уже позже – где что купить у нас было – я был из деревни.

Два года незаметно прошли. На выпускных экзаменах представителем от пароходства был Орловский Евгений Петрович – капитан буксирного парохода «Александр Невский», участник Великой Отечественной войны, бывший командир роты разведки. Он ходил на протезе – ему ногу оторвало на фронте. Вот он меня и выбрал на экзамене рулевым к себе на пароход – одного из группы, за что я ему благодарен всю жизнь. А других распределили кого куда – кто в Курье, кто в Заозерье – на другие пароходы.

А по столярному делу, по билету мне выпало – сделать за определённые часы по расчёту провизионный ларь для парохода. Деревянный ларь метра полтора, высокий, с отъёмной крышкой, а внутри полки. Я всё это сделал отлично.

Вопрос на смекалку на экзамене:

– Штормовая погода и тебе нужно буксировать баржу – какой длины выбираешь трос?

– Метров хотя бы 100...

– Нет. Не в метраже дело, а чтобы он имел провис. Если у него провис будет, он будет «играть» – он никогда не порвётся. Вот такие вопросы: это нигде не проходят, а из практики.

«Александр Невский» был на угле – вся серия этих пароходов – угольщики. В целях экономии топлива, уголь дешевле, чем мазут. Во время войны и послевоенное – ведь сколько топлива надо было! И вот первый рабочий день на пароходе. Я пришёл – вся команда работает – кто красит, кто работает в машинном отделении, перебирают, смазывают – на меня никто не обращает внимания, никто не говорит, что делать, а капитана не было на судне. Я обошёл пароход, заглянул в рубку – понравилось. До обеда походил по пароходу – понаблюдал. Сел на обнос, болтаю ногами, хочется петь от

радости. Весна, конец апреля. Ну и просидел до обеда. Сходил в столовую, и снова на пароход. Смотрю, с обеда идёт капитан по затону, хромает. Поздоровались.

– Ну, чем сегодня занимался? – спрашивает.

– Никто мне работу не давал. Жду.

– Вот запомни: давай договоримся так – чтобы с сегодняшнего дня я тебе работу не давал. Ищи её сам. Вот так просто дал мне совет Евгений Петрович. Так и было дальше, проработал я до армии две навигации и ни разу не получал распоряжений от капитана, а спрашивал он с меня строго: «Вот тут непорядок, тут кочегары дверь сломали. Решай сам!». Тем более восемь человек в моем подчинении было – матросы и ещё двое рулевых. Я – старший рулевой.

Эта самостоятельность осталась у меня на всю жизнь, ведь так важно в подростковом возрасте получить такое напутствие. Вот бы каждому в жизни попался такой же наставник.

На пароходе очень много рисовал – уже акварель была, кисти. Но, в основном, тоже карандаши. Крокодилы, молнии, я делал для своей команды цветными карандашами или тушью. Команда всегда была в курсе всех дел: через наглядную агитацию велась работа с людьми. Но, в основном, конечно, карандаши использовал. А также каждый день график движения

вычерчиваешь – полностью всё по расчету – на весь рейс. Каждый день идём с плотом согласно времени. Мы должны прийти в Тетюши в такое – то время. Высчитываем – в какое время – какую пристань проходим. Всё на графике отмечаешь – уложились или нет. Если нет – кочегары должны держать больше пара, машинисты должны добавить оборотов, чтобы выдерживать скорость за счёт этого. Работали – держали полностью контроль.

На угле ходили: сорок тонн угля надо взять бункероваться – с грохотом летит уголь по транспортёру в трюм, такие куски летят огромные, а команда – матросы, рулевые должны всё разбирать, выталкивать по углам. На четыре дня хватало этого топлива – сорок тонн. Работают две топки, горит много, а

если ещё попадал плохой кизеловский уголь, расход был больше. Котлы начнут чистить – весь шлак вылетает, ложится на палубу. Верхняя палуба большая – её рулевые моют. И вот, через каждые четыре часа – на вахте стоишь – верхнюю палубу надо мыть. Ты со шваброй, а капитан стоит за штурвалом, бегаешь, моешь, всё идеально – чтобы чисто было. Смочил, скачиваешь водой и чисто. Все два года мы ходили на угле. Тяжело.

Зимой я учился на штурманском отделении Пермского речного училища. Капитан сказал: «Давай, учись дальше!» Видит, что из меня толк есть – и вперёд! Речное училище как техникум, среднее специальное образование, профессия – судоводитель. Набирали отделение стажистов, людей с опытом, кто уже работали вторыми, третьими штурманами, а специального образования не было. В группе у нас 25 человек, я самый молодой, остальные все постарше: из Вятки, Белой и Камские. Учёба только зимой. За период учёбы нам платили среднюю заработную плату. Преподаватель черчения для образца приносил много старых работ – чертежи огромные. Делали их на полном ватмане тушью – например, корпус целый в разрезе. Для этого были большие чертёжные доски. Интересный и одновременно сложный предмет – сигнальное дело. Все судоводители должны знать флажной семафор – разговаривать при помощи флажков.

Первый курс я закончил и уже летом штурманом-дублёром ходил. Самостоятельно вахту стоял. Знал уже Каму, освоился за два года. Для меня это было просто. Рабочую одежду выдавали. Зарплату аккуратно выплачивали. Третий штурман отвечал за все денежные операции. Я получал 430 рублей, а матросы 320 рублей. На себя хватало, но лишнего ничего не купишь. Один костюм выходной в то время был у людей и рабочая одежда. Обувь была крепкая – носили ботинки кожаные, так им сносу не было. Китайские рабочие ботинки продавались, носили их тоже долго. Много в то время было китайских товаров и продуктов. Яблоки, например, продавали – каждое завёрнуто в бумагу.

На пристанях что-то купишь из продуктов, обычно в Камском устье. Вот однажды на базаре мы решили купить молока холодненького. Приходим, смотрим: женщины торгуют молоком в глиняных кринках, горшочках. Я свою банку подставляю, мне женщина начинает выливать молоко, а там, слышно, как что – то сбulyкало! А она: «Ой, холодяну – то я не взяла!»... Оказывается, лягушки у них в каждой кринке для охлаждения молока использовались!

В Тетюшах по Волге базар хороший был всегда. Мы обычно покупали всё на Плавлавке – плавучий магазин-пароход, специально обслуживал все пароходы. Там всякие продукты были. Сухую рыбу особенно мы мешками брали. Куль бумажный килограмм 5-10 возьмёшь, на вахте что делать ночью? Стоишь, жуёшь – сон не идёт, штурвал в руках. Сменялись мы через четыре часа.

Рулевым быть – привычка нужна. И туманы, и дождь – всякая погода – на вахте стоишь, не видно ничего, а надо работать. У меня зрение отличное было. Я всё время с капитаном стоял ночные вахты. Они самые трудные – ночи осенью тёмные, ничего не видно. Капитан говорит: «Давай, ищи, должен быть бакен в этой стороне. Разглядывай!». Всё. Сориентировались. Идём дальше.

С плотом идёшь – скорость четыре – пять километров в час всего. Плот длинный – метров пятьсот, широкий, в воде один метр восемьдесят сантиметров сидит. Внизу, в воде всё. Чтобы плот не посадить на мель, всё надо обойти точно – все пески, камни, всю реку надо знать наизусть. Так что штурманская работа такая. Весной глубоко, воды много, острова. Не просто идёшь.

На корабле дисциплина была полувоенная: мы все при погонах ходили – у всех воинские звания. У нашего капитана звание – старший лейтенант, я – старшина второго класса.

Армия как школа жизни

В октябре 1954 года приходит телеграмма на пароход – капитан мне говорит: «Всё, собирайся, вызов тебе в военкомат». Мне тогда было двадцать лет. После ремесленного училища нам всем нужно было отработать два года, а потом уже уходили в армию. Такой закон был в то время. За трое суток дали телеграмму – пока добирался, времени уже не осталось. Сутки на расчёт в пароходстве, комиссия в военкомате – и на сборный пункт. Так и с мамой не простился – дал ей телеграмму: «Ухожу в армию». Но телеграмма шла долго, мама поехала меня провожать, а я уже был далеко в эшелоне. Воинский эшелон шёл с Сибири на Таллин – нас в грузовые вагоны «телячьи» разместили. В них нары в два яруса, печка «буржуйка» чугунная, человек по сорок в одном вагоне. Нас тринадцать человек с одного ремесленного призвали. Сразу с пароходов мы все пошли вместе служить,

все пароходские. И в вагоне мы все вместе с одной группы, как братья. До Таллина десять суток ехали, по дороге собирая призывников со всех областей. Часто стояли – наш эшелон в тупик ставили, подсаживали призывников. И вот ночью подъезжаем к Таллину, там даже воздух другой – пахнет сланцами. Октябрь, уже холодно – там топят сланцем, это торф такой на болотах. И вот мы десять суток там ждали, пока ещё недостающих наберут для флота. Подбирали крепких, пригодных по здоровью.

Жили мы в экипаже – это казармы, всё огорожено высоким забором. Смотрим: как жить? Кормят плохо. Раз сходим – не наедемся. На столах сухари все возьмём. Если не хватило тебе – поделятся. Смотрим – дело худо. Второй раз встаём в очередь. Дежурные говорят: «Парни, вы уже были!» А мы: «Мы вчера были, не сегодня!». По два раза поедем – наедемся. Вместо жиров давали комбижир, суп простой – что-то плавает в нём. По три тысячи каждый день в экипаж приходят и отправляют каждый день по три тысячи в разные части – идёт распределение. Нас, флотских, готовили в учебный отряд, чтобы сразу увезти полную школу. Девять суток мы там находились, поняли как надо себя вести. Идёт дежурный, видит, что кто-то просто стоит: «Иди сюда!». Построит – отправит подметать территорию, приборку делать. А чем-нибудь если занимаешься – он мимо проходит. Всё, он нас запомнил: «Парни, вы у меня ещё не работали! Поедем в порт сегодня!»

Привезли нас в порт, мы разгружали вагоны, таскали мешки с сахаром, мукой, крупой. Там баржами-самоходками перевозят продукты питания. До обеда проработали. Перекур! Сидим у пирса – стоят корабли, а моряки там ходят, разговаривают. Один нам кричит:

- Парни, вы откуда?
- С Урала!
- А откуда с Урала?
- С Молотова!
- Откуда с Молотова?
- С Курьи!

А это был Володя Симонов – год вместе мы учились в группе. Его раньше призвали, он уже служит год. Спустился к нам на берег, спросил разрешения: «Товарищ старшина, это мои земляки!». «Ладно, забирай!». Вот так интересно – пошли с ним поговорили.

Ночью отправили нас в городскую баню, одели и на поезд до города Пинска (Белоруссия). Обмундировали нас. Весь наш эшелон сразу готовили в три школы – мотористов, радиотелеграфистов, комендоров. По одной тысяче нас распределили в каждую школу. Комиссия: сидят адмиралы, контр-адмиралы – седые, уважаемые, все в орденах. Мы выходим перед ними, нас спрашивают:

– Кем работал?

– Рулевым, штурманом.

– Будешь мотористом.

– Есть!

Мы, пароходские, уже имели специальность. Я думал, что рулевым пойду на корабль, учиться не надо будет. А как оказалось, ещё лучше, что мотористом.

И вот мы мотористы, нас четыре роты по 250 человек. Корпуса большие, наша вторая рота на втором этаже. Кормили нас очень хорошо: мясо, рыба всякая. Если наше дежурство – человек пятнадцать сразу пошли картошку, капусту, рыбу чистить. Треска – всегда рыбины огромные, её рубили на части. Капусту квашеную сами делали. На улице стояли большие открытые чаны. Машиной капусту привозят, чисто ее обрабатывают, режут, специи и соль добавляют. И начинают топтать в новых резиновых сапогах. Потом закрывалось всё сверху. Брали по надобности.

Пинские болота – тридцать километров разлив – горизонт не видно. Была дорога проложена Пинск-Брест, как дамба выложена. По ней ходили и ездили. Лес там лиственный, елей нет. Сосна, болота, песчаные места. Клюквы очень много. По болотам на лыжах зимой бегали. Снега всего десять сантиметров бывало, не больше. Гололёд в городе всю зиму. По улицам ходить невозможно: всё блестит как зеркало. Строем идём если в баню – держимся по четыре человека друг за друга.

Мне легко служилось, многое уже было знакомо. Названия – устройство корпуса, корабля – все иностранные. Первый раз услышишь – сразу не запомнишь. Вот преподаватель по военно - морскому делу нам показал чертёж, всё рассказал: «Кто повторит?». Все молчат. Я отчеканил. «Где работал? Молодец!».

Строевой подготовки у нас было мало. В основном занятия по специальности. За все девять месяцев учебки изучили десять двигателей –

девять дизелей и один карбюраторный ЗИС-120. Учили нас хорошо, основательно. Дали нам кузнечное дело, медницкое, т.е. паять, варить. Слесарное дело дали: трубы гнули, на твёрдый сплав паяли.

Тренировали нас на боевую живучесть. Там были бронекатера, разбитые, времён войны. И вот – в корпусе вода, а мы должны заделать пробоину быстро и доложить. Ты весь мокрый, щиты, подушки подставляешь, распорки делаешь – всё быстро. Лето. Жарко. Купаться не давали – после войны железо везде было. Один раз отправили нас купаться за три километра, строем. Мы, направляющие, высокие ростом, нам ничего, а кто последние, все в пыли и песке вернулись.

Водолазное дело сдавали. Речка Пина мелкая, на самой середине встанешь – голову видно. Костюмы водолазные лёгкие, а ты только привязан шкиртом за пояс и всё – иди. Садись на дно, отработывай дыхание. Сигнал тросиком: «Как себя чувствуешь?» Ты должен ответить. По три человека сразу в воду спускались. Учёба такая. Готовили из нас специалистов на все руки. Потом всё это в жизни пригодилось. Всё нужное. Армия дала очень многое. На корабле ведь нет других специальностей, поэтому ты должен уметь всё.

Свободного времени часа два – три оставалось после учёбы. А в выходные дни давали увольнительные на четыре – пять часов и мы ходили в город. Минский театр оперетт приезжал тогда в Пинск. Мы посмотрели много оперетт, нравилось, оперетты весёлые. А деньги были у меня всегда. А тут Камское речное пароходство перевод присылает – триста рублей. Командир роты спрашивает: «Откуда деньги ждёшь?» А я и не знаю: у мамы пенсия была в то время двенадцать рублей. Ротный: «Хорошо, иди получай на почту в город». Оказывается, мне пришла премия за первое место в конкурсе наглядной агитации по пароходству! Купил на эти деньги часы «Победа», они долго у меня были.

Город Пинск небольшой. Мы ходили в кино в матросский клуб, городской краеведческий музей там был очень хороший. На рынок заглянешь, пройдёшь по речке – берег весь в бетоне. На каждом повороте стоит дот– немецкие бывшие доты, пушки там внутри были во время войны.

После учебки, нас, выпускников из школы мотористов – сразу в бригаду траления в Германию, на

базовые тральщики. Ещё оставалось много минных полей после войны. Мы тралили в основном воды ГДР и Польши. Мы, тральщики, самые работающие были. Всё лето – дали нам участок моря – хоть какая погода – тралили по компасу. Мы, мотористы, друг друга в машинном отделении не слышим совсем – шум сильный, шум взрыва оглушает. На вахте всё время как резанёт по ушам! В вахтенном журнале ведётся счёт взрывам. Обычно тралим неделю, а в воскресенье идём на базу – заправиться топливом и водой, взять продукты.

Наш дивизион – три корабля. Все три тральщика идут, у них прибор автоматического траления – ПАУТ. Все одновременно настроены на один удар за счёт этого. Корабль наш внутри весь обмотан проводами и по нему пропускается постоянный ток, чтобы снять магнитное поле, иначе корабль может взорваться. За одно лето мы два раза ходили на станцию боевого размагничивания (СБР) в Балтийске. У нас все часы и компасы на берег убираются, иначе они будут показывать неправильно. Весь корабль обматывается кабелями полностью на сутки или двое. Мы находимся на корабле.

А зимой в зимней гавани – ремонт. Льда почти нет на Балтике – волны, плавающий лёд. Качает воду – лёд ломается: тралить нельзя. Корабли стоят. Зимой только подводные лодки ходят. Про тральщики нет фильмов. У тральщиков нет названий – только номера. Говорили, что самая трудная служба на тральщиках.

В Балтийске – отдельная школа водолазов, немецкая. Зимой там учат. Специальность интересная – водолаз. Большая ёмкость с водой, как труба, диаметром пять метров, двадцать пять метров высотой. Мы наверху – и надо вниз спуститься. На каждые десять метров надо делать остановку, а не сразу. В воде давит одна атмосфера.

Я как водолаз после каждого похода спускался – у корабля осадка два с половиной метра, винты осматриваешь и весь корпус. После спуска давали спирт грамм сто – и всё: «Иди спать!» Вода холодная, да и стресс уничтожить.

Питание на корабле было хорошее. Холодильник огромный, там висят целые туши свиные. Затаскиваем их и повесить надо. В праздники Октябрьские и на Новый год нам на восемь человек давали гуся. Селёдки солёной бочки стояли. С Атлантики идут сейнера, полностью гружёные рыбой – даём сигнал: «Подойти к борту!» Селёдку берём – пару бочек

закатывали. Одна бочка всегда стоит распечатанная – в любое время – бери и ешь. Сухари стоят в ящиках. А однажды дотраливали участок и закончился хлеб. Командир собрал всех: «Вот серьёзный вопрос: хлеб у нас закончился, а нам нужно ещё сутки, чтобы протралить участок – не успеваем по графику! Есть сухари, но они старые! Останемся или к берегу идти?». А мы все: «Конечно, останемся!» Достали ящики с сухарями, сутки тралили и пошли потом в порт Засниц.

Если зимой ночью стоишь дежурным мотористом, ходишь, проверяешь, не спишь. По коридору провода на панелях, кабеля, как железная дорога. Крыс много на корабле: среди ночи слышно, как они за переборками перебегают. Травить их нельзя – они имеют доступ к продуктам. Моряки сами крыс ловили – делали самодельные ловушки. Иначе нельзя – крысы умные животные. Ловушки везде стояли. Хвост отрубают и приносят доктору, он в журнале записывает. За двадцать пять крыс давали отпуск десять суток в то время на флоте на кораблях.

Всё свободное время я рисовал. Оформлял много стенгазет к праздникам, рисовал друзей. На корабле впервые сделал оформление масляными красками.

Меня комиссовали по семейным обстоятельствам, а так надо было служить четыре года. Я только – только понял службу, освоился, а маме уже было шестьдесят лет, и бабушка жила у нас. А я – единственный сын в семье. Меня даже не должны были призывать. А я не докладывал, что я один, мне хотелось послужить, поэтому служить пошёл. Тем более раз во флот берут: как я не пойду? У нас традиция – мы все флотские! Замполит говорит: «Пиши письмо Будённому!». И вот, видимо, пришло распоряжение – выяснить условия проживания матери: к нам домой приехали двое военных из Ильинского военкомата. Всё расспросили и сами увидели, как живут они вдвоём. Мама и бабушка угостили их напыльниками – это капустные пирожки, которые выпекаются не на сковороде, а прямо на поду русской печи – на золе.

Ровно через шесть месяцев пришёл приказ: «Комиссовать по семейным обстоятельствам». Есть традиция на флоте: перед демобилизацией пошутить над отправляющимся домой, подложить что –нибудь в дорогу. Я вот уже поехал, в Либаве на железнодорожном вокзале открыл свой чемодан, а там – пара новых кранов. Водопроводные – бронзовые, тяжёлые: «Подложили, успели!». Я приехал домой, шёл 1956 год...

